

Глава 34

В те времена талоны на ткань ценились на вес золота. Большинство деревенских жителей могли позволить себе новый отрез лишь к Новому году, и то если удавалось выкроить на одну смену одежды для главы семьи. О детях и речи не шло: младшие донашивали обноски за старшими братьями и сестрами, латая и перешивая их до тех пор, пока ткань окончательно не превращалась в труху.

Юй Хань, будучи единственным сыном, никогда не знал нужды, но даже он не привык к подобной щедрости. Чтобы вот так, за один раз, принести столько ткани...

Он замер в изумлении, украдкой поглядывая на мужчину.

— Второй брат Гу, это всё мне?

В комнате они остались одни, и Гу Ли больше не скрывал своих чувств. Он вальяжно откинулся на спинку стула, скрестив длинные ноги, и небрежно бросил:

— Сначала примерь.

Ткань была самых ярких и свежих расцветок. Ду Юньтин коснулся её — мягкая, легкая, она приятно холодила пальцы. Недолго думая, он прямо в комнате потянул за край своей старой рубахи и скинул её через голову.

Мужчина сидел напротив, прикрыв глаза. Трудно было сказать, наблюдает он за юношей или нет.

Кожа Юй Ханя была ослепительно белой, и лишь на руках и ногах из-за работы в поле проступил легкий румянец загара. На фоне остального тела эта полоса казалась золотистой, словно подернутой медовым глянцем. Спина юноши была тонкой и хрупкой, а лопатки, похожие на крылья бабочки, отчетливо проступали под кожей, будто готовые вот-вот прорвать её и взметнуться ввысь.

Он подхватил новую рубаху и натянул её. Яркий цвет выгодно оттенял белизну, выделяя его среди загорелых крестьян, словно сияющее жемчужное зерно в куче черного кунжута. Ду Юньтин одернул подол, но не стал поправлять воротник, а вместо этого вопросительно взглянул на собеседника.

— Второй брат Гу?

Гу Ли прищурился, разглядывая его. Спустя мгновение его широкая, теплая ладонь потянулась вперед и уверенным движением расправила замявшийся воротничок.

— Тебе идет, — негромко произнес он. — Носи.

Ду Юньтин и сам чувствовал, что обновка ему к лицу. Он немного помедлил, делая вид, что хочет её снять:

— Наверное, не стоит... Второй брат Гу, ведь ты себе даже...

Мужчина накрыл его ладони своими, не давая возразить.

— Главное, что она есть у тебя.

[Ох...]

7777 что-то предчувствовала.

У Ду Юньтина тоже было предчувствие. Внутри у него всё ликовало — хотелось немедленно броситься в поле и заняться «обработкой земли», — но он вовремя прикусил язык. Смирненно опустив голову, словно невинный «маленький белый цветок Ду», он принялся тереть край рубахи. Голос его звучал едва слышно:

— Второй брат Гу... Что всё это значит?

«Признавайся уже! Поцелуй меня! Как же я хочу, чтобы господин Гу меня поцеловал...»

Мысли его неслись вскачь. При одном воспоминании о «сладком картофеле», которым он лакомился в прошлой жизни, у него подгибались колени, а внутренние «поля» уже были готовы ороситься влагой.

7777, не в силах больше на это смотреть, виртуально закрыла глаза, пытаясь спасти остатки своей рухнувшей морали.

Однако в глазах Гу Ли юноша выглядел сейчас трогательно и беззащитно, словно дитя, не искушенное в делах мира. Когда он перехватил руку Ду Юньтина, оба невольно вздрогнули, ощутили жар чужой ладони.

— Юй Хань... — голос мужчины был низким, глубоким и слегка охрипшим. — Тебе страшно?

Маленький чжицин будто не понял вопроса. Его длинные густые ресницы затрепетали, он упорно смотрел в пол, не смея поднять взгляд.

В комнате воцарилась тишина, нарушаемая лишь потрескиванием свечи. Гу Ли долго

всматривался в его лицо, а затем, негромко вздохнув, осторожно коснулся его щеки.

— Всё хорошо. Не бойся.

Ду Юньтин так и не поднял взгляда. Он знал: сейчас его поцелуют.

Гу Ли действовал решительно, ожидая хоть какого-то сопротивления. Но юноша оказался на редкость покорным. Он не только не пытался отстраниться, но и, напротив, робко обвил руками шею мужчины, закрепляя это объятие.

Это послужило сигналом, знаком к началу штурма. Мужчина резко сжал объятия. На мгновение в его душе вспыхнула почти яростная страсть: ему захотелось буквально врасти в этого человека, впитать его каждой клеточкой кожи. Он не заметил, как его хватка стала слишком крепкой, пока Ду Юньтин не вздрогнул, пролепетав почти со слезами в голосе:

— Второй брат Гу, больно...

Тот тут же опомнился. Его движения стали мягкими и вкрадчивыми, словно журчание прохладного лесного ручья.

Он долго и упоенно целовал его, а когда наконец отстранился, губы чжицина стали ярко-алыми, припухшими. Гу Ли провел большим пальцем по этим губам и глухо спросил:

— Юй Хань, ты понимаешь, что это значит?

Ду Юньтин выдохнул:

— Понимаю. — И добавил: — Мне нравится второй брат Гу.

Дыхание мужчины участилось, а взгляд потемнел от сдерживаемых чувств.

— Я ненавижу, когда мне лгут.

— Я не лгу, — ответил Ду Юньтин.

Он слегка приоткрыл рот и прикусил кончик пальца мужчины.

— Второй брат Гу, я не ребенок. Я прекрасно отдаю себе отчет в своих словах.

В глазах Гу Ли на миг вспыхнула радость, но он тут же подавил её.

— Это преступление.

— Ну и пусть, — Ду Юньтин сам прильнул к нему. — Рано или поздно это перестанет быть преступлением. Я просто буду рядом со вторым братом Гу, пока этот день не настанет.

Ложь была шита белыми нитками, но Гу Ли поверил. Или, вернее сказать, он отчаянно хотел верить, что это правда.

Он слишком долго томился в этой негласной ссылке. С того самого момента, как осознал свои чувства, каждая минута превратилась для него в пытку. Тысячи желаний терзали его душу, но он железной волей сдерживал их, словно усмиряя дикого зверя стальными цепями.

Но в тот вечер маленький чжицин сам пришел в его дом. В ту же секунду мужчина понял: цепи больше не выдержат.

Зверь вырвался из клетки. И он не разожмет челюстей, пока не отведаст свежей плоти, пока не перегрызет горло своей добыче.

Ду Юньтин послушно закинул голову, подставляясь под поцелуи, а в душе у него нарастало нетерпение.

«И это всё? Мы так и будем только целоваться?»

[... — 7777 промолчала. — А на что ты рассчитывал? Немедленно заняться «обработкой земли»?]

«Хотя бы почву бы разрыхлили... — с сожалением подумал Трус Ду. — Я уже чувствую, как внутри всё увлажняется»

7777 поспешно внесла слово «увлажнение» в список запрещенных. У неё возникло стойкое подозрение: если позволить Ду Юньтину и дальше предаваться фантазиям, скоро в базе данных не останется ни одного приличного слова. Великая культура Китая падет жертвой этого соблазителя.

Поняв, что от этих ласк у него окончательно слабеют кости, юноша осторожно оттолкнул мужчину. Больше нельзя — иначе простыни намокнут.

Гу Ли оторвался от его шеи, тяжело дыша.

— Сейчас должен вернуться мой сосед по комнате, — с явным сожалением прошептал Ду Юньтин.

Будь он здесь один, он бы с радостью разогнал этот «паровоз» на полную мощь.

К счастью, мужчина умел вовремя остановиться. Он не оставил на коже юноши никаких следов, так что привести себя в порядок не составило труда. Он посидел на кровати еще немного, затем резко поднялся, схватил стоящую в углу метлу и принялся яростно подметать пол.

Ду Юньтин наблюдал за ним, пребывая в полном замешательстве.

— Второй брат Гу, на дворе ночь глядя, зачем ты подметаешь?

Тот поднял на него тяжелый взгляд и глухо ответил:

— Нужно чем-то заняться. — И добавил совсем тихо: — Иначе я только и думаю о...

Он не договорил, но Ду Юньтин и так всё понял.

[Бьюсь об заклад, — восторженно сообщил он системе, — господин Гу хотел сказать: "Иначе я только и думаю о том, как бы тебя поиметь!"]

[Твоя радость слишком очевидна]

[Давай поспорим на "Гармонизирующую мазь"? — с хитрым видом предложил он. — Если проиграешь, отдашь мне целую упаковку]

[А если выиграю я? — поинтересовалась 7777]

[Тогда ты получишь секретное руководство по «обработке земли»? — юноша задумался]

Система лишь презрительно хмыкнула. Ей, образцовой и чистой духом, это руководство было ни к чему. Предложение отклонили.

Закончив с уборкой, Гу Ли достал из мешка москитную сетку. Он быстро установил высокие бамбуковые шесты, и легкий тюль окутал кровать мягким облаком. Мужчина работал молча, но очень споро. Когда сосед-чжицин вернулся в комнату, сетка уже была закреплена, надежно защищая покой Ду Юньтина.

Увидев обновку, сосед обрадовался:

— Ого, откуда это?

— Попросил второго брата Гу купить, — ответил Ду Юньтин.

Сосед только языком цокнул.

— Ну и заботливый же он у тебя. К собственному брату так не относится, как к тебе.

Впрочем, это было неудивительно. Юй Хань умел расположить к себе, в отличие от Гу Цяна. Тот был лодырем и бездельником, да еще и любил на каждом углу трезвонить о том, что Гу Ли отдает чужим людям немалые деньги. Он обзывал брата дураком и злился, что тот не дает ему средств на женитьбу. Такого типа любить было не за что.

— Юй Хань, ты не переживай, — добавил сосед. — Я всем нашим ребятам рассказал про твою ситуацию. Мы, чжицины, народ сплоченный, в обиду тебя не дадим.

Ду Юньтин именно этого и ждал. История с украденной ручкой могла обернуться как угодно. Он боялся, что если будет настаивать на наказании, в деревне его сочтут жестоким человеком, обижающим маленькую девочку. Именно поэтому он не стал спорить с Бай Цзяньшэном и его отцом, когда те приходили его «наставлять».

Люди всегда невольно сочувствуют слабому. На этот раз Ду Юньтин твердо решил играть роль «жертвы» до конца, не оставляя семье Бай ни единого шанса на спасение. Он опустил глаза, изображая крайнее сомнение:

— А... это не доставит остальным лишних хлопот?

В соседе тут же разыгралось чувство справедливости.

— Каких хлопот! Мы ничего не боимся. Разве наше социалистическое общество — это пустые слова? Мы должны бороться с несправедливостью и угнетением! Мы выведем на чистую воду этих паршивых элементов, что угрожают нашему единству!

Сейчас он выглядел настоящим героем-защитником.

— Не бойся!

Ду Юньтин, «глубоко тронутый» теплом коллектива, даже выдавил скупую слезу благодарности.

На следующее утро за дверью послышались голоса. Ду Юньтин вышел на порог и увидел Гао

Ли в окружении других чжицинов. Все они были настроены крайне решительно.

— Идем, Юй Хань! Пора серьезно поговорить с секретарем!

Гао Ли была девушкой решительной. Едва они переступили порог дома секретаря, как она без лишних предисловий выпалила всё, что узнала вчера. В конце она гневно вскинула брови:

— Секретарь, мы приехали сюда помогать в строительстве села, а не для того, чтобы на нас срывали злость и воровали наши вещи. Нам нужны объяснения!

Секретарь даже миску с едой не успел отставить. Глядя на толпу разъяренных молодых людей во дворе, он понял: дело плохо. А уж когда он услышал о ночных угрозах Бай Цзяньшэна и его отца, ситуация и вовсе стала критической. Ему оставалось лишь виновато улыбаться, пытаясь разрядить обстановку.

— Ну, Цзяньшэн, должно быть, просто разгорячился...

— С чего бы ему «горячиться»? — усмехнулся один из чжицинов. — Это его сестра воровка, а он еще и на других вину сваливает?

Секретарю было не по себе. Оглядев полный двор народа, он пообещал во всем разобраться, прежде чем смог выпроводить незваных гостей. Когда двор опустел, к нему вышла жена:

— Ты и впрямь собираешься арестовать девчонку?

Изначально они хотели спустить дело на тормозах. Всё-таки Гуйхуа была ребенком, ну оступилась разок — с кем не бывает? К тому же лишний шум мог ударить по репутации всей деревни. Они планировали просто надавить на Юй Ханя, чтобы тот пошел на мировую.

Но семейство Бай оказалось до того недальновидным, что само испортило все карты. Одно дело — мелкая кража, и совсем другое — запугивание и угрозы. Теперь оправдать их было невозможно!

Секретарь пристроил трубку в углу рта и тяжело вздохнул:

— Сама видишь, какой шум поднялся. Тут уж без ареста не обойтись. Наши чжицины сейчас как пороховая бочка. Если они пожалуются наверх, проблем будет в разы больше.

Он выпустил облако дыма и принял решение.

— Пусть наши патрульные приведут Гуйхуа.

Гуйхуа последние дни почти не показывалась на улице, прячась дома. Когда на пороге появились дружинники, у неё подкосились ноги. Она бросилась к двери и заперла её на засов.

— Гуйхуа, открывай! — закричали снаружи. — Тебе придется пройти с нами!

Девочка была в ужасе. Она заметалась по комнате и с плачем кинулась к Бай Цзяньшэну.

— Брат! Помоги мне! Они пришли за мной!

Она вцепилась в него, заливаясь слезами. Засов на двери был ненадежным. Бай Цзяньшэн тяжело дышал, из последних сил сохраняя маску спокойствия. Гуйхуа рыдала, умоляя его пойти к Юй Ханю:

— Я виновата, брат, честно! Скажи ему, что я больше никогда ничего не украду...

Она-то думала — подумаешь, ручка! Взяла и взяла, из-за чего такой шум поднимать? У этого чжицина семья богатая, у него таких ручек пруд пруди. А она живет в бедности, дома её ни во что не ставят, вот и не удержалась, завидев красивую вещь.

«И как ему только не стыдно требовать её обратно?»

От этих мыслей Гуйхуа стало еще обиднее, она завывала в голос, наотрез отказываясь выходить. Старый Бай тоже загородил собой дочь, гневно выкрикивая:

— Что вам от неё нужно?! Она еще дитя, неужели нельзя простить её на первый раз?

Один из дружинников лишь удивленно на него посмотрел.

— О чем вы вообще говорите? Тут дело не в прощении.

Лицо старика перекопилось от злости. По его мнению, если бы городской мальчишка был поговорчивее, ничего бы этого не случилось!

— Суть в том, что Гуйхуа совершила кражу, — покачал головой патрульный. — У государства есть законы, у деревни — свои правила. Она совершила проступок и должна понести наказание.

Ярость отца Бай Цзяньшэна не знала границ. Он грязно выругался и сплюнул на пол, но сделать ничего не мог. Ему оставалось лишь осыпать чжицинов проклятиями, называя их

«черными душами».

— Всю совесть в своих книжках променяли, только и знают, что людей губить! — орал он. — Ублюдки!

Цзяньшэн, сохранивший остатки благоразумия, дернул отца за рукав, призывая замолчать.

— Но твоя сестра... — не унимался старик.

Бай Цзяньшэн нахмурился.

— Пока еще ничего не решено окончательно, — тихо произнес он. — Но если ты и дальше будешь так орать, последствия будут куда хуже.

Старик, привыкший к почету и уважению в роли бывшего секретаря, впервые столкнулся с таким унижением. Его истинный дурной нрав прорвался наружу. Сын с трудом удерживал его от опрометчивых шагов, решив сам еще раз поговорить с Юй Ханем. На этот раз он решил пойти один.

Вскоре ему представился случай. Он увидел, как чжицин Юй в одиночестве трудится за домом, расчищая место под небольшой огород. Бай Цзяньшэн улучил момент и подошел ближе.

— Товарищ Юй Хань.

Он всё еще верил в силу своего обаяния: он знал, что его мягкая улыбка внушает доверие и располагает людей. Но юноша, занятый землей, лишь мельком взглянул на него и, не проронив ни слова, снова взялся за лопату.

Цзяньшэн слегка поклонился, стараясь придать голосу искренности:

— Товарищ Юй Хань, я пришел извиниться за поступок моей сестры.

[Ого, — 7777 даже удивилась. — Неужели этот тип способен на извинения?]

Ду Юньтин не питал иллюзий.

[Смотри внимательно. Если он извинится искренне, я прилюдно съем горсть этой земли]

Бай Цзяньшэн держался смиренно, голос его звучал вкрадчиво:

— Гуйхуа действительно не получила должного воспитания. Наша семья осознала свою ошибку, впредь мы будем за ней строго следить. — Он помолчал и выложил на край грядки тугую пачку купюр. — Это... деньги за ручку.

Купюры были мелкого достоинства, но пачка была настолько внушительной, что этих денег хватило бы целой семье на несколько месяцев безбедной жизни. Юй Хань наконец выпрямился и спросил:

— Что это значит?

— Наша семья продала кое-какие вещи. Мы хотим вернуть тебе долг, — понизил голос собеседник.

Ду Юньтин отрезал:

— Мне это не нужно.

Он прекрасно понимал: стоит ему взять эти деньги, и его песенка спета. Из потерпевшего он мгновенно превратится в соучастника, и тогда уже никакие оправдания не помогут. Если этот подонок надеялся провести его таким дешевым трюком, он явно недооценил противника.

Видя, что ни угрозы, ни подкуп не действуют, Бай Цзяньшэн занервничал. Он горько усмехнулся:

— Товарищ Юй Хань, неужели ради двенадцатилетней девочки... ты не можешь проявить милосердие?

[Быстрее, — мысленно скомандовал Ду Юньтин системе, — вокруг есть кто-нибудь?]

[Ни души. А что?]

«Раз никого нет, — юноша окончательно успокоился, — значит, мне не нужно больше строить из себя невинную овечку». Теперь можно было действовать по настроению.

[...]

Ду Юньтин больше не собирался молчать. Он спросил в лоб:

— С какой стати?

Бай Цзяньшэн опешил.

— Что?..

— Я спрашиваю, — чжицин вскинул брови. В его чистом взгляде не осталось и следа прежней мягкости — он смотрел на противника с холодным, почти ледяным безразличием. — С какой стати я должен её отпускать?

— Она ведь ребенок! — выдохнул гость.

— И что, возраст — это щит? Разве ребенок имеет право совершать преступления? — Ду Юньтин отбросил лопату и коротко рассмеялся. — Если она в двенадцать лет уже ворует, то как ты думаешь, кем она станет, когда вырастет? Неужели ты надеешься, что она будет строить светлое будущее? Нет, такие люди только отравляют жизнь обществу!

До этого момента молодой человек почти не вступал в споры, и Бай Цзяньшэн решил, что тот просто слабохарактерен. Лишь сейчас он понял, насколько острым может быть язык этого городского мальчишки.

Он нахмурился, его задела столь резкие слова:

— Она всего лишь взяла ручку!

Ду Юньтин прищурился еще сильнее.

— Сегодня она взяла ручку, принадлежащую социалистическому государству, а что она сделает завтра? Начнет подрывать основы нашего строя?

Бай Цзяньшэн не выдержал и прошипел:

— Юй Хань! За что ты так ненавидишь нашу семью? Какая тебе выгода от того, что Гуйхуа окажется за решеткой?

Юноша спокойно ответил:

— О, я полагаю, что изоляция таких личностей пойдет на пользу всему обществу. Нужно же поддерживать порядок.

Бай Цзяньшэн: «...»

Он чувствовал, как в груди закипает горечь. Спустя долгое время он процедил сквозь зубы:

— Юй Хань, я и представить не мог, что ты настолько мелочный человек.

Ду Юньтин лишь улыбнулся.

— Какое совпадение, — протянул он. — Тут ты попал в самую точку. Я действительно мелочен. Поэтому я возвращаю тебе все те слова, что вы наговорили мне вчера.

Юноша сделал резкий шаг вперед. Его глаза, обычно чистые, как родниковая вода, теперь сверкали так остро, что собеседнику стало не по себе. Чжицин подошел вплотную, и от его ледяного взгляда у мужчины поползли мурашки по спине.

— Сделайте одолжение: пусть вся ваша гнилая семейка держится от меня подальше. Идите и поучитесь, как ведут себя люди, и оставьте свои мерзкие проповеди для кого-нибудь другого. — Он сделал паузу и добавил: — Если вы еще хоть раз ко мне сунетесь, я позабочусь о том, чтобы весть о вашей вороватой девчонке высекали прямо на могилах ваших предков. Пусть все увидят, какие «talанты» выросли в вашем роду.

Бай Цзяньшэн задохнулся от ярости, он не мог вымолвить ни слова и лишь спустя минуту выдавил:

— Ты!..

Его отец всегда гордился положением бывшего секретаря и знатным происхождением. Каждый год он устраивал пышные поминовения предков, тщательно вел родословную, вписывая туда лишь самых достойных членов семьи Бай. Если Ду Юньтин исполнит свою угрозу, это станет несмываемым позором, который падет на все будущие поколения. Он смотрел на чжицина так, словно видел его впервые в жизни.

— Ах да, — вдруг улыбнулся юноша. — Твой отец советовал мне хорошенько подумать о своем будущем. — Он медленно достал из кармана платок и вытер руки. — Так вот. Я не знаю, что ждет меня впереди, но я точно знаю, что у вашей семейки... будущего больше нет.

На этот раз Бай Цзяньшэн был готов взорваться от негодования. С искаженным от ярости лицом он круто развернулся и ушел прочь. Очевидно, он был слишком потрясен, чтобы продолжать свою игру в святого.

Ду Юньтин проводил его взглядом и отряхнул руки, словно смахивая с них пыль. Он прекрасно помнил, как развивались события в оригинальной истории. Тогда Бай Цзяньшэн использовал те же самые уловки, чтобы обмануть Юй Ханя. «Она еще ребенок», «она исправится», «нужно быть великодушным»... Доверчивый и влюбленный чжицин тут же согласился на все условия.

Он не только простил Гуйхуа, но и поддался на уговоры, отдав свои часы в придачу. Он больше никогда не вспоминал о краже и ни словом не обмолвился о случившемся. Но позже на Юй Ханя написали донос. Когда его вытащили на сцену для публичного порицания, кто-то из толпы с силой ударил его палкой по спине. Боль была такой невыносимой, что он согнулся пополам, едва не услышав хруст собственных костей. И именно в этот момент он увидел на

столе вещественные доказательства его «преступлений»...

Среди прочего там лежали те самые часы — неоспоримое свидетельство его «капиталистического разложения» и «неправильного мышления». Они лежали на столе, словно насмехаясь над его добротой.

Великодушие — это дар, предназначенный для людей, а не для ничтожеств.

Ду Юньтин не собирался давать им второй шанс.

Автор хочет сказать:

Скоро окончательно разберемся с этой семейкой «святош».

<http://bllate.org/book/15364/1412414>